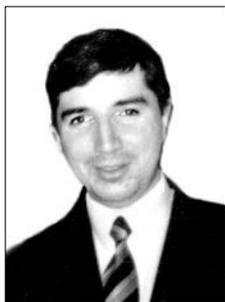

ЧВАНЛИВАЯ КОМАНДА

Заметки об интеллигенции и её роли в выработке стратегии Просвещения

21 июня этого года в Новоогарёве прошла встреча Президента России с делегатами Всероссийской конференции преподавателей гуманитарных и общественных наук. «Сколько их было, таких встреч», — скажет скептически настроенный читатель. Но разговор состоялся чрезвычайно интересный. Затронутые темы мы привыкли обсуждать на кафедрах и в кабинетах, и уже отчаялись узнать мнение на этот счёт официальных лиц.

Арсений
Замостьянов

В.В. Путин в Новоогарёве немало говорил о проблемах преподавания истории в школах и вузах, о базисе государственной идеологии. Позволю себе одну цитату: *«Без чётких, глубоких и основополагающих знаний, особенно по событиям новейшей истории, нам очень трудно будет выстраивать работу с учащимися и в школах, и в высших учебных заведениях.»*

В этой связи хотел бы отметить, что большинство грантов сегодня направлено на финансирование поездок учёных за рубеж. Это, конечно, расширяет возможности для обмена идеями и мобильности науки. Однако этого мало. И надо продумать специальную систему грантов, поощряющих людей гуманитарной науки, особенно тех, кто готовит современные учебники для вузов и школ. Имею в виду также методические пособия, хрестоматии, атласы и другие подобные издания. Известно, что здесь есть большой разброс и информации, и точек зрения. Причём далеко не все издательства ответственно подходят к содержанию таких пособий. А их деятельность — не просто полиграфическая, а прежде всего образовательная. И потому образовательные стандарты здесь должны быть обязательно обеспечены. Думаю, что эту проблему надо обсудить вместе с представителями издательств. Причём я говорю именно о стандартах образования, а не о стандартизации мышления. Я не говорю о том, что всех нужно «причесать» по единому стандарту, как это было когда-то при господстве одной идеологии. Конечно, в учебниках могут и должны излагаться разные точки зрения на проблемы общественного и государственного развития, но образовательные стандарты качества должны быть обеспечены. И в учебных пособиях, если уж излагаются какие-то позиции,

какие-то подходы и какие-то оценки, должна быть представлена альтернативная точка зрения, а не навязываться только одно видение, скажем, на ход и на результаты Великой Отечественной войны, что абсолютно недопустимо, даже подчас бывает оскорбительно для нашего народа. А я видел такие сентенции в учебной литературе».

Сказал президент и о «комплексе вины», который навязывают нашему обществу, отчего молодёжь и затягивает то в агрессивный радикализм, то в болото пассивности. Эта проблема уже поднималась на страницах «Народного образования». Есть причины вернуться к ней с нового фланга.

Кто же будет автором новых или хорошо забытых старых концепций преподавания истории? Думаю, здесь нам не обойтись без старомодных классовых обобщений. Об армии пропагандистов, мыслителей и кухонных витий, которые в конечном счёте и формируют тенденции идеологии, хочется порассуждать как о классе. Тем более что понятие, объединяющее этих людей, давно существует и называется *интеллигенцией*. Раньше интеллигенты всей командой проповедовали жертвенность, а нынче — чванство.

САМЫЕ СУВЕРЕННЫЕ

Эта проблема лежит в иной плоскости, нежели разговоры о либерализме, патриотизме и «суверенной демократии». Здесь мы видим кризис и деградацию исторического явления, которое владело умами в России аж с конца XVIII века, с Радищева и непоротого поколения вольных дворян.

Интеллигенция сдала билет в социалистический рай.

И радостно, почти в одночасье, отказалась от воспитательной функции литературы и искусства, а заодно и от доктрины народолюбия. Осталась уйма гордыни и горячее желание получить пансион за статус «совести нации» (именно *нации* — слово *народ* давно уже не произносят, наверное, слишком уж от него пахнет классовыми боями). Интеллигенция ревниво мечтает, чтобы её берегли, как племенных быков. И сама не чувствует, что без жертвенного народолюбия превратилась в ненужный зуб мудрости. Откуда возникли эти карикатурно аристократические амбиции в прослойке, которая родилась в борьбе с пороками феодального аристократизма?

Новое, *антинародное* интеллигентское кредо было сформулировано не раз. Откроем наугад любое издание — и в глаза брызнет нечто вроде вот такого, например, излияния телеведущего Николая Сванидзе. Заметка называется «Диагноз Шаламова», но нас более интересует диагноз современного комментатора: «Чего писатель Шаламов начисто лишён, так это постыдных интеллигентских соплей в отношении так называемого народа, под которым обычно понимаются люди, занятые физическим трудом. Собрат Шаламова по перу и антагонизм по

судьбе Александр Фадеев как-то, незадолго до самоубийства, сказал: «Представьте, что вы романтически влюблены в невинную девушку, и вдруг она оказывается старой прожжённой...». *Русский интеллигент веками (точнее, с конца XVIII века) относился к народу возвышенно и трепетно, как рыцарь к прекрасной даме. Эта нелепая комедия положений была бы смешна, не обернись она в XX веке национальной трагедией. Так вот, у Шаламова, в отличие от Солженицына, народнических сантиментов нет*». Новый символ веры — беспощадное высокомерие без сантиментов по «народу-богосцу» (он же — «народ-победитель»).

Итак, лощёный цинизм вместо сантиментов и эгоизм вместо мечтаний о социалистическом братстве. И какое самодовольное описание «рокового» разочарования в народе! К системе взглядов, которую продемонстрировал Сванидзе, так и хочется прикрепить ярлык с ленинским скандальным определением интеллигенции: «Не мозг нации, а г...». «Народничество» — это лучшее, что было в русской интеллигенции, начиная с Радищева. Интеллигент без этого «сантимента» — всё равно что священник с материалистическими убеждениями или либерал, ненавидящий частную собственность. Он становится демонстративной ненужностью, ходячим противоречием, курьёзом, который сам себя изжил. Социальная прослойка только тогда имеет смысл, существует и развивается, когда её скрепляют права и обязанности. Так было с аристократией, которая мечом и штыком защищала государство и народ, организуя армию и политическую систему. *Сегодня, отказавшись от народолюбия и просветительской функции, исчезает интеллигенция — сеятель «разумного, доброго, вечного*». Теперь из искусства смело выбрасывают дидактику, говорят свысока о просветительском пафосе. Видимо, найдены более совершенные принципы самодостаточного «искусства для искусства». Холодные

взаимоотношения художников и общества стали хорошим тоном. Это, может быть, закономерно для тонкой прослойки элитарного искусства, но существует и массовая культура — наиболее влиятельная. И когда в ней недостаёт просветительского начала, начинают преобладать разрушительные тенденции, наступает деградация.

Целый век «трудовая интеллигенция» повторяла заклинание: «Мы в долгу перед народом». Из народа сделали икону — и самым интеллигентным нестерпимо захотелось, как герою Достоевского, плюнуть в икону. Выиграл дух противоречия против пресной правильности идеологических догм. Очень жаль, что этот молодой бунт закончился торжеством унылого цинизма а-ля Сванидзе, который исключительно шаблонно и конъюнктурно расправлялся с недругами своих патронов из администрации Ельцина.

В позиции жреца «чистого искусства», независимого авангардизма есть немало пищи для самовлюблённости. Это, конечно, очень лестно нашему эго — не быть связанным социальной ответственностью, «ты царь — живи один». А ведь со времён Петра Великого просвещённых людей в России мытьём и катаньем, страхом и совестью принуждали служить общественному благу. И — не будем этого стесняться — государству.

Пугало по имени «Суслов»

Среди наших вождей последних десятилетий не было более демонизируемой интеллигенцией личности, чем Михаил Алексеевич Суслов. И в нашем разговоре необходимо отнюдь не лирическое отступление о судьбе человека, бывшего вахтенным советской идеологии в пору её рассвета и предзакатной кульминации. В классическом Политбюро телевизионной эпохи выходцев из образованных семей было не больше, чем в первом отряде космонавтов. Рафинированных, рефлексирующих и да-

лёких от народа господ на Мавзолей не пускали. И, если деловой стиль эпохи рифмовался со строго сжатыми губами аккуратного Косыгина, над идеологическими ритуалами витала непослушная седая прядь *Михал Андреича Суслова*.

Образ политиков в шляпах и чёрных отечественных лимузинах до сих пор воспринимается как эталонный. Комиссары в тужурках и френчах оказались слишком экзотичными, а молодые реформаторы в ярких галстуках, с первыми мобильными трубками в руках — недостаточно монументальными. А Суслов был народным типом.

С происхождением всё в порядке: сын крестьянина-бедняка из села Шаховского Хвалынского уезда Саратовской губернии. Отец с 1904 года, когда поиски заработка забросили его на бакинские нефтепромыслы, симпатизировал революционерам. После 1917-го вступил в РКПб, заседал в советах и укомах. Будущий главный идеолог партии стал активистом-комсомольцем до окончания Гражданской войны, а в девятнадцать лет вступил в партию и отправился в Москву учиться. Рабфак, Институт народного хозяйства имени Плеханова, наконец, Институт красной профессуры подготовили перспективного работника для ЦК — из числа кадров, которые решали всё.

Отделом агитации и пропаганды Суслов заведовал аж с 1947 года, заступив на идеологическую вахту после работы в Ставропольском обкоме, в военном совете Закавказского фронта, после суровой службы в Прибалтике. Застёгнутый на все пуговицы человек в футляре не был похож на привычных пролетарских Дантонов того времени. И принцип Беликова «Как бы чего не вышло» осторожный Суслов, как мы увидим, считал резонным.

Из перестраховки про запрещённую книгу он говорил: такое можно будет напечатать лет через триста. До последних дней щеголял в старомодных калошах, десятилетиями носил одно пальто и предпочитал передвигаться по Москве на

персональном ЗИЛе со скоростью не выше шестидесяти километров в час. Сулов пропитал партийную идеологию духом осторожности, это была главная примета его стиля. Прочитывалось и «как бы чего не вышло», и «не навреди». А ведь, пока Сулов не играл в идеологии «первую скрипку», у нас не стеснялись шараханий, взаимоисключающих кампаний, опасных резких поворотов на высокой скорости. Сулов отвергнет лихорадочный динамизм Сталина, Жданова и Хрущёва.

О чудачествах этого коммунистического динозавра рассказывали разное — например, однажды у Сулова разболелись зубы, он пришёл к стоматологу, расположился в кресле. Когда доктор попросил его раскрыть рот, отреагировал раздражённо: «Простите, а нельзя ли как-нибудь обойтись без этого?!». Суловское кредо диктовало: рот нужно раскрывать как можно реже. И только для проверенных, апробированных мыслей. Всяческую эксцентрику Сулов ненавидел: она раздражала его даже в исполнении вождей — Хрущёва и Брежнева, а уж в искусстве... Однажды он увидел киноплакат: на нём был нарисован странный, диковатый человек — это актёр Сергей Юрский изображал «снежного человека» в комедии Эльдара Рязанова. Сулов надолго изберёт фильм «Человек ниоткуда» мишенью для критики: очень уж не понравилась эксцентричная физиономия. Непорядком считал Сулов и стремление партийных функционеров получать академические регалии. Поскромнее, товарищи, поскромнее — и в искусстве, и в ЦК. Скромность украшала и в командировках, когда Сулов оставлял столбики медных и серебряных монет, расплачиваясь за комплексные обеды. Кстати, он мог бы ратифицировать такие эпизоды по «сарафанному радио», но популярность Сулову была ни к чему. Не афишировалась и привычка Сулова ежемесячно переводить крупные суммы из личных доходов в Фонд мира, и его помощь в строительстве Пискаревского мемориала. Сентиментальный, как многие флегматики, он не забывал поддерживать и сельские библиотеки родной Саратовской области. Секретаря ЦК вполне удовлетворял уровень жизни простого служащего. Лишь иногда суловский аскетизм находил неожиданных поклонников. Сохранилась запись: в 1969-м Андропов допрашивает младшего лейтенанта Виктора Ильина, который обстрелял кортеж Брежнева у Боровицких ворот. Оказалось, что Ильин считает партийного вождя перерожденцем и видит на его месте подлинного коммуниста — Сулова. Андропов намотал на ус этот психологический компромат против возможного конкурента — и сторонник Сулова отправился в казанскую психиатрическую лечебницу...

Излюбленный приём Сулова — одновременная борьба с противоположными идейными направлениями. Интеллигенция — хозяйство прихотливое, как колхоз-миллионер. Одни фыркали, что кругом насаждается патриотизм фольклорных хороводов, а официозные голоса с умилением повторяют слово

«Россия». Другие тосковали по генералу Корнилову и опасались, что масоны из Политбюро, вырабатывая «новую историческую общность — советского человека», уничтожат всё русское. Сулов урезонил последних руками Александра Яковлева, чья грозная статья «Против антиисторизма» вышла ортодоксально марксистской. Националистам тогда пришлось солоно. А потом и Яковлева убрали из идеологии, а либеральных снобов напугал в меру мудрый Сталин из киноэпопеи «Освобождение». И песня Вано Мурадели «Россия — Родина моя» звучала на всех советских праздниках. Почти одновременно Сулов ударил по русофильскому журналу «Молодая гвардия» и пригрозил художника Илью Глазунова, который даже написал портрет самого хмурого из секретарей ЦК. Сулов был уверен, что интересы партии и государства требуют симметричной борьбы с либералами и националистами, в которой, кроме экзекуций, хватало и пряников.

Был в истории классического брежневизма год, который принято связывать только с одной географической точкой — с Прагой. А ведь смысл чехословацкого кризиса невозможно уловить без двух других бурных перекрёстков того года — без Парижа и Сонгми. Во Вьетнаме холодная война перешла в жестокую бойню, и царившее в СССР фронтовое поколение насторожилось. В такой ситуации нельзя было уступать стратегическому противнику ни клочка земли — и с чешской крамолы Сулов боролся, может быть, излишне бдительно. Выигрывая важный плацдарм в противостоянии систем, брежневцы пожертвовали популярностью в западных левых кругах.

Советская пропаганда вряд ли была способна возглавить студенческую революцию, но выигрышно использовать всемирный всплеск левацких настроений молодёжи вполне могла. Ведь революция готова была переместиться и в Центральный парк Нью-Йорка, да и бурлила уже по всему миру... Сулов считался

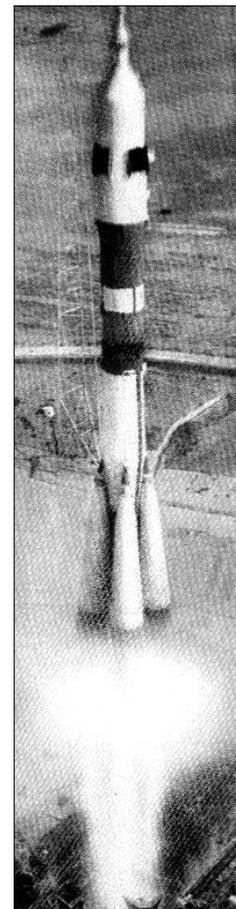

докой в международных коммунистических делах. Он понимал и уважал Мориса Тореза, с которым немало взаимодействовал в годы освобождения африканских народов. В 1964-м на кладбище Пер-Лашез саратовский крестьянин произнёс одну из лучших речей памяти французского коммуниста. Совсем другое дело — Париж 1968-го, где витал дух сексуальной революции, которую консервативные фронтовики принять никак не могли: к тому времени сложился аскетически бесполой канон советской культуры и расшатывать эти основы Суслов не собирался. И тогда пошли на компромисс: во Вьетнаме империалистам оказали мощное и успешное сопротивление, а в Париже продолжали рукопожатия с респектабельными партнёрами, а не с волосатыми бунтарями. Не с жиру ли бесятся непривычно лощёные Гавроши в своих люксембургских садах? Может быть, это не классовые бои, а детские шалости? Психологию вольнолюбивой университетской молодёжи он не понимал. Как ни странно, суловское отношение к красному маю смыкалось с известным парадоксом Паззоллини, который и в стихах, и в прозе объяснял, почему он сочувствует полицейским, а не студентам в уличных стычках. Полицейские — настоящие жертвы буржуазной системы, а бунтующие «маменькины сынки» вот-вот повзрослеют, заматереют да и примутся преумножать отцовский бизнес. Такое вот было у Сулова и Паззоллини социальное чутьё. Элитарная идея свободы входила в противоречие с интересами угнетённых классов...

Даже на пятидесятилетии Коминтерна в своей речи Суслов ни словом не обмолвился о молодых европейских левых. И это в 69-м году! Революций с оттенком молодёжного нигилизма секретарская душа не принимала. Позже в кампаниях за мир и против нейтронной бомбы советская идеология хоть и робко, но войдёт в союз с волосатыми молодыми людьми. Суслов повторял: «Социализм стучится в дверь, время

работает на социализм». Дискутируя с Мао, Суслов подчёркивал важность рабочего движения ведущих капиталистических стран и вовсе не ограничивал понимание современной классовой борьбы национально-освободительным движением беднейших народов. В некоторых речах он почти повторял идеи «Ситуационистского Интернационала», заклиная, что Запад с его товарным изобилием уже подошёл к порогу революции. Но, когда дело дошло до баррикад, по-человечески понять и принять новое поколение европейских левых он не смог.

Был Сулов трезвенником, во всём ценил умеренность, молодецкими забавами (охота, баня, женщины) не увлекался. Свой день расписывал по минутам, вплоть до обязательного стакана чаю с лимоном в 13.00. Искренне расцветал во время советских праздников, когда пионеры прикалывали на лацкан его ветхого пальто красный лоскут. Излюбленной темой народных праздничных мистерий были эпизоды 1917-го и первых пятилеток. Революционная романтика была ему по сердцу, но Сулов был уверен, что время чистого энтузиазма и чистого насилия прошло. Теперь аппарат — коллективный разум партии — должен был авторитетно организовать энтузиазм и ограничить насилие. То было время, когда последовательный марксист в СССР перерождался в охранителя, защищая устои советского государства: *единство партии, дружбу народов, отсутствие частной собственности*. Сравнивали повадку Сулова и с *совиными крылами* Победоносцева. Двух идеологов сближал дух охранительства, каждый из них стремился сберечь палладиум государства, которому был предан. Как и Победоносцев, Сулов презирал демократическую процедуру, ненавидел демагогию публичной политической борьбы, предпочитая авторитаризм ответственных и подотчётных чиновников. Оба были врагами прогрессистов, которым от века суждено раскачивать всевозможные лодки.

Ему было удобно с догмами, со стандартами этикета. Очень уж хотелось победить хаос и смуту респектабельными штампами в дикторском исполнении: «На аэродроме его встречали... И другие официальные лица...». Никаких мемуаров. Никакой отсебятины. «Воспоминания и размышления» Жукова показали Суслову святотатством: не нужно выпячивать собственную персону из железной партийной шеренги! Казалось, что только коллективный ум партии исключает возможность ошибки. Это вело к средневековому догматизму. Суслов по-жречески был убеждён, что приверженность ритуалу важнее пылкости, а цитаты из классиков превыше любого новаторского творчества. Худой мир лучше хорошей ссоры, а скучный мир порой предпочтительнее ренессансного веселья. И тоскливая сусловская система не допускала как настоящего энтузиазма (сначала завизируй — потом импровизируй), так и большой крови. Ловил мышей страж сусловского телевизионного сада Гесперид Лапин, бросивший как-то в разговоре с Евтушенко: «Что вы все заладили «Свобода! Свобода!», как глухари на току. Да ваша свобода пахнет кровью!». Когда пульсировал накал взаимных угроз «холодной войны», а 85 копеек с рубля уходили в армейские расходы, очень непросто было обойтись без кровопусканий. И не будем преуменьшать заслуги зануды-политрука, охлаждавшего порывы командиров.

«В кинозале подошёл к нам высокий, худощавый, с весьма неглупым лицом человек — и уверенно протянул мне руку, очень энергично стал её трясти и говорить что-то о своём крайнем удовольствии от «Ивана Денисовича», так тряс, будто теперь ближе и приятеля у меня не будет» — этот порыв на хрущёвской встрече с интеллигенцией объясняется просто. В 1962-м Суслов считал позицию Солженицына полезной для партии и советского государства. Следующие книги покажутся вредными — и никакого снисхождения к Солженицыну Суслов не потерпит. Суслов — фигура не ностальгическая. Слишком уж кислую репутацию создали ему комментаторы эпохи, да он и сам никогда не был артистом-популистом. Творческая интеллигенция самолюбива и обидчива, а Суслов плавал в её акватории исключительно, *чтобы карась не дремал*. К нему нельзя было обращаться с позиций «художника», зато в формате «как коммунист с коммунистом» Суслов общался запросто и даже задушевно, без спеси.

Он навсегда потерял сознание 21 января 1982-го, во время просмотра траурной передачи о Ленине. После новых польских событий и таинственного самоубийства генерала Цвигуна ему было всё сложнее опираться на испытанную логику осторожного компромисса. И моя прабабушка резонно заметила: «Сулов вовремя умер».

Мифы и их разрушение

Один из самых яростных либералов начала девяностых лет за 25 до августовских и декабрьских событий 1991 года написал профессионально едкую эпиграмму на видного советского поэта, ставшего титулованным литературным генералом:

Было время — шаг печатав,
 Был солдатом Наровчатов.
 Так, печатав и печатав,
 Стал поэтом Наровчатов.

Это звучало через край дерзко и лихо. И ведь проступало в эпиграмме высокомерное отношение к солдатству, к армейской службе, немыслимое для русской поэтической традиции, в которой блистают имена Державина и Дениса Давыдова, Гумилёва и Твардовского... Был бы Наровчатов карикатурным солдафоном-скалозубом, который выдвинулся, спекулируя «боевым прошлым» — а ведь молодой талантливый поэт, он добровольцем ушёл на финскую, а потом и на германскую войну. Конечно, профессиональному остряку трудно сдержаться от пришедшего на ум броского каламбура: «Печатать шаг — печатать стихи», «печатав — Наровчатов». «Для красного словца не пожалеешь и отца». Но есть в этой шутке и изрядная доля глумливого сотрясения основ. Ведь война — это символ веры советского человека, и Наровчатов писал о ней по-настоящему религиозные (вовсе не солдафонские!) стихи:

Я проходил, скрипя зубами, мимо
 Сожжённых сёл, казнённых городов,
 По горестной, по русской, по родимой,
 Завещанной от дедов и отцов.

Запоминал над деревнями пламя,
 И ветер, разносивший жаркий прах,
 И девушек, библейскими гвоздями
 Распятых на райкомовских дверях.

И вороньё кружилось без боязни,
 И коршун рвал добычу на глазах,

И метил все бесчинства и все казни
 Паучий извивающийся знак.

В своей печали древним песням равный,
 Я сёла, словно летопись, листал
 И в каждой бабе видел Ярославну,
 Во всех ручьях Непрядву узнавал.

Крови своей, своим святыням верный,
 Слова старинные я повторял, скорбя:
 — Россия-мати! Свете мой безмерный,
 Которой мезтью мстить мне за тебя?

Пародисту Александру Иванову за «Наровчатова» досталось: «прорабатывали с песочком» на высшем писательско-партийном уровне. И, думаю, в этом случае бдительность охранителей не выглядела карикатурно. Ведь Иванов поупражнялся в одной из тех забав интеллигенции, от которых все мы ещё наплачемся.

Вот один интеллигент (писатель М.) 13 апреля 1961 года гуляет по Москве в компании с другим интеллигентом (писателем Р.). Дело было на следующий день после первого в мире полёта человека в космос! И вот инженер человеческих душ задерживается у газетного стенда и смотрит на портрет первого космонавта. Смотрит и изрекает: «Смотри, какой низкий лоб, какие плебейские скулы!». Рассадин, вспоминая этот эпизод, пишет, что прозвучали тогда выражения и «покруче». Вот ведь, оказывается, скулы бывают плебейскими, а бывают — комильфо, как у М. Ах, как ненавидел этих чванливых комильфо один яснополянский граф-плебей! И ведь был уверен М., что шумиха вокруг Гагарина — сиюминутный проект пропаганды, а его, писательская слава громко проявится в веках. Век сменился. О писателе В.М. уже даже нельзя сказать «его скоро забудут», потому что его уже забыли — заслуженно или нет, не нам судить. Может быть, это — расплата за тот форс презрения к низколобым плебейам, прорвавшимся в космос. Но дух презрения к «плебейам», каких бы великих высот они ни достигли, жив среди коллег Максимова. И бьёт в глаза читателей школьных учебников истории.

Мы нередко слышим: интеллигент обязан находиться в оппозиции к власти. Обременительная обязанность! Нет ничего вреднее и бессмысленнее натужного отбавывания оппозиционной роли. О. Андрей Кураев прозорлив: «У этих людей уже сформировались диссидентские привычки, привычки бунтовать. Когда я говорю о них, я отчасти говорю и про самого себя». Эта формула родилась в дискуссии с наиболее ортодоксальными ревнителями церковности — но к либеральной интеллигенции она подходит ещё точнее.

Один из «проклятых вопросов» России, разделивших народ и интеллигенцию, — это вопрос отношения к Сталину. Об этом говорил и Путин в Новоогарёве. У интеллигенции и народа — разные ценности. Самый острый пример — отношение к Сталину, к сильной руке государства. Целое десятилетие после 1956-го и не менее пятнадцати лет с 1986-го в СМИ велась антисталинская пропаганда на все лады — от глубоких дискуссий с серьёзным анализом до темпераментных ударов «ниже пояса» (когда, например, шла игра на националистических струнах и считалось почтенным делом пройти по кавказскому происхождению Джугашвили и его «широкой груди осетина»). Интеллигенция не простила Сталину жёсткого обращения, а в народе, которому пришлось претерпеть в годы большого рывка ещё больше лишений, генералиссимус всё равно был популярен! И вот во второй половине семидесятых, когда был очевиден провал идеологии «малого культа» стареющего Брежнева, возник проект «реабилитации Сталина». В вышедших в то время воспоминаниях авиаконструктора Яковлева и — что наиболее показательно! — члена Политбюро, министра обороны СССР маршала Устинова Сталин был показан не просто дельным, а просто-таки идеальным руководителем. Всесильный Устинов — кадр, который в 1977—1984 годах решал всё, восхищался сталинской управленческой манерой: *«Сталин обладал уникальной работоспособностью, огромной силой воли, большим организаторским талантом.*

Понимая всю сложность и многогранность вопросов руководства войной, он многое доверял членам Политбюро, ЦК, ГКО, руководителям наркоматов, сумел наладить безупречно чёткую, согласованную, слаженную работу всех звеньев управления, добивался безусловного исполнения принятых решений». (Устинов Д.Ф., «Во имя победы»). Не менее привлекательным получился Сталин в романе сановитого прозаика А.Б. Чаковского «Победа», напечатанном в начале 1980-х и в кинофильме, снятому по этому роману кинорежиссёром Евгением Матвеевым. Тенденция просматривается ясно! Возвращением Сталина в «святцы» хотели всколыхнуть доверие масс, опереться на военных и рабочих, среди которых поклонников генералиссимуса всегда было немало. Можно предположить, что старт окончательной реабилитации Сталина был намечен к сорокалетию Победы. Но именно тогда к власти пришёл Горбачёв, который немедленно свернул эту программу и предпочёл опереться на популярность среди отечественной и особенно западной интеллигенции. Сталин не был героем их романа. Социологи утверждают, что среди людей, более положительно оценивающих фигуру Сталина (или исторический миф о Сталине), господствуют ценности государства, сплочённого общества, армии, массового просвещения. Непримиимые противники мифа о Сталине — индивидуалисты, поклонники частной собственности и интеграции России в англоязычное мировое сообщество. И в работе над новой школьной программой придётся учитывать обе тенденции и очень взвешенно, без эмоций и европейских трафаретов, на основе статистических данных показывать развитие страны в XX веке.

Самое бессмысленное — это формировать школьную программу на основе большого самолюбия нашей интеллигенции — как западной, так и почвеннической. Только тот, кто без чванства относится к своему народу и к родной Истории, вправе интерпретировать её хитросплетения для школьников. **НО**